

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР И. БАБАЕВА: КОНЦЕПЦИИ, ОБРАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ

Асият Даутовна Болатова (Атабиева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© А.Д. Болатова (Атабиева), 2021

Аннотация. В статье определены ведущие концепции творчества балкарского поэта Ибрагима Бабаева, идейно-эстетические основы его произведений, авторская знаковая система и образные парадигмы. Поэтические формулы совмещают в себе многообразие значений и смыслов, содержат трактовку реальности в индивидуальном восприятии, дают возможность моделирования и концептуализации действительности. Диахронический аспект позволяет выявить инварианты, возможные способы воспроизведения устойчивых символов в новой подаче. На примере поэзии И. Бабаева затрагивается и сфера этнического сознания, разъясняются особенности концептуальных метафор, из которых складывается целостная поэтическая картина мира. В рассматриваемых произведениях преобладает формульность, ведущая начало от устно-поэтических традиций. Многочисленные текстовые примеры демонстрируют умение поэта оперировать иносказаниями, абстракциями, олицетворениями в процессе воплощения идейного замысла. Результаты исследования отражают творческие достижения поэта в освоении жанров баллады, лирической и лиро-эпической поэмы, стихотворного цикла и т.д. Подчеркивается весомый вклад автора в расширение возможностей балкарского стихосложения, несомненными являются его заслуги в обновлении поэтики и проблематики национальной поэзии.

Ключевые слова: образные парадигмы, концептуальные метафоры, инвариантность, поэтические формулы, индивидуальная картина мира

Для цитирования: Болатова (Атабиева) А.Д. Поэтический мир И. Бабаева: концепции, образные парадигмы // Вестник КБИГИ. 2021 № 4-1 (51). С. 107–116. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-107-116

Original article

THE POETIC WORLD OF I. BABAYEV: CONCEPTS, FIGURATIVE PARADIGMS

Asiyat D. Bolatova (Atabieva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© A.D. Bolatova (Atabieva), 2021

Abstract. The article defines the leading concepts of creativity of the Balkarian poet I. Babayev, the ideological and aesthetic basis of his works, the author's sign system and figurative paradigms. Poetic formulas combine a variety of meanings and meanings, contain an interpretation of reality in individual perception, make it possible to model and conceptualize reality. The diachronic aspect makes it possible to identify invariants, possible ways of reproducing stable symbols in a new presentation. On the example of poetry And . Babayev also touches on the sphere of ethnic consciousness, explains the features

of conceptual metaphors, which form an integral poetic picture of the world. In the works under consideration, formularity prevails, leading from oral and poetic traditions. Numerous textual examples demonstrate the poet's ability to operate with allegories, abstractions, personifications in the process of implementing an ideological plan. The results of the study reflect the poet's creative achievements in mastering the genres of ballads, lyrical and lyric-epic poems, poetic cycle, etc. The author's significant contribution to the expansion of the possibilities of the Balkarian versification is emphasized, his merits in updating the poetics and issues of national poetry are undoubted.

Keywords: figurative paradigms, conceptual metaphors, invariance, poetic formulas, individual picture of the world

For citation: Bolatova (Atabieva) A.D. The poetic world of I. Babayev: concepts, figurative paradigms. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 107–116. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-107-116

Ибрагим Бабаев пришел в литературу в конце 1950-х годов и достаточно известен национальному читателю. Наиболее яркие, значимые произведения поэта входят в программу изучения родной литературы, приобщая детскую аудиторию к многоплановому творчеству художника. Первое издание поэтических произведений автора «Жолгъа чыгъама» («Выхожу на дорогу») состоялось в 1962 году. В предисловии к книге К. Кулиев выразил радость по поводу появления в балкарской поэзии такого дарования, отметив выверенный творческий стиль молодого автора, свежесть поэтического слога. В дальнейшем увидели свет: «Малкъар балладасы» («Балкарская баллада» – 1964, 1984), «Жазны барыуу» («Продолжение весны» – 1968), «Продолжение весны» (первая книга стихов в переводе на русский язык, 1968), «Жетегейле» («Семиззвездие» – 1972, 1991), «Элия бешик» («Колыбельная для молнии» – 1978, 2000), «Туугъан ташым» («Камень родины» – 1983), «Балкарская баллада» (М., 1974), «Ара боран» («Гнездовье ветров» – 1986), «Иги къууум» («Добрые надежды» – Избранное, 1996) и др.

Уже в первом стихотворном сборнике четко определились индивидуальный стиль И. Бабаева, его включенность в ритм эпохи, стремление осмыслить актуальные вопросы современности. Снабдив художественные тексты комплексом метафор, иносказаний, рефренных мотивов, узнаваемых поэтических формул, автор заметно обновляет ресурсы поэтики. Помимо мощной идейной составляющей, в стихотворениях И. Бабаева велика роль размышляющего начала. Круг затрагиваемых тем отличается многообразием, проблематика стихов вбирает важные события истории народа и общественной жизни. Философская концепция мира не ограничивается декларацией основополагающих нравственных ценностей, мастерство поэта проявляется в способности высвечивать первопричины драматического («Таш бешик» – «Каменная колыбель») и источники прекрасного в окружающей действительности («Гибенек» – «Бабочка»). Поэзия Бабаева ориентирована на раскрытие внутренних переживаний, душевных движений лирического героя, включенного в модус времени. Действительность, судьбы людей, бытие человека отражены во взаимосвязи с историей народа (его прошлым, настоящим и будущим).

Недостаточность опыта на начальном этапе, отсутствие художественных изысков компенсируется постоянным стремлением к совершенствованию, объективным осмыслением и оценкой изображаемого, важностью затрагиваемых проблем. В постижении жизни, прохождении собственного пути художник признает необходимость терпения и борьбы. Поэт ценит в людях открытость сердца, свет души, ум, чистоту намерений, искренность чувств, честь, мужество и уверенный взгляд в будущее, без которых немислимо существование созидательно настроенной личности («Адамны къадары» – «Судьба человека»).

Светлые, романтические картины, вырисовывающиеся в первых публикациях автора, позднее уступают место глубоким философским размышлениям

(«Сагъышла» – «Думы»). Тягостные раздумья не дают поэту покоя, преследуют его, однако оставить их негде, эту ношу не вынесет вековое дерево, его листья пожелтеют и опадут, и небо почернеет в одночасье, посему, он оставляет их в сердце. И это осознанный нравственный выбор. Лирический герой Бабаева избирает для себя не самый легкий путь познания мира, накопления опыта, проходит испытание на прочность («Ауаз» – «Голос»). Жизненные уроки подаются в сопряжении со значимыми явлениями современной ему действительности. Для художника немаловажны поучительность строк, ненавязчивые назидания, которые необходимы для духовного становления героя.

Люди ответственны за целостность и нерушимость мира на земле. Эта ответственность возрастает многократно, если ты поэт, с которого спрос всегда будет велик. И. Бабаев помнит об этом, осознает в полной мере: «Поэт болсам, менден кёпню сурарла, // Оюн тюйюлдю ол атны жүрютген, // Кёп керекди манга поэт болургъа, // Жазар сёзюм, бишмей, чыкъма жүрекден!» («Если стану поэтом, с меня многое спросят, // Нести это имя не игра, // Мне многое нужно, чтобы стать поэтом, // Слово, что будет написано, не созрев, не выходи из сердца!»). Поэт не устает повторять, что его слово, как ясное небо, открыто для всех, и в то же время оно готово достигнуть цели, уподобляясь натянутому луку и стреле. Творчество должно быть вдумчивым, осознанным, осторожным, этим обусловлена зыскательность Ибрагима к создаваемым произведениям, он отбирает детали, несущие максимальную смысловую нагрузку. Строки не просто сведены в рифмы, но звучат в нужной тональности в абсолютной гармонии строф. Слово художника вбирает радости и печали, его тяжесть и окрыляющая сила обусловлены увиденным и пережитым («Мое слово»), так раскрывается двойственность восприятия мира:

Сыйдам чинарны буз да тюеди,
Кёгерсин деп жауса да жауун.
Или:
Жер бузласын деп тюшеди къар да,
Жер жылынсын деп келсе да жаз.

Гладкий чинар бьет град,
Тогда как дождь льет, чтобы он зеленел.
Снег идет, чтобы земля замерзала,
Весна же приходит, чтобы ее отогреть.

(Подстрочный перевод здесь и далее наш) [Бабаев 1972: 43].

Новаторским направлением поэзии И. Бабаева явилось освоение такой формы как балладный цикл, оставшейся на тот момент относительно новой в балкарской литературе. Этот жанр способен вместить различные грани действительности, отразить философское восприятие мира. Балладное творчество поэта детально проанализировано З.Х. Толгуровым, который определяет «Балкарскую балладу» как «высокохудожественное лиро-эпическое произведение» [Толгуров 2015: 141]. Исследователем указывается, в частности, что здесь велико влияние романтических традиций. Помимо представленного примера, в творчестве Ибрагима Бабаева отдельного внимания заслуживают «Жангыз терекни балладасы» («Баллада об одиноком дереве»), «Адамны юсюнден баллада» («Баллада о человеке»), «Кёреме желни» («Вижу ветер»), «Сабан агъач» («Плуг»), «Илхам» («Вдохновение») и другие. Доминирующей проблематикой отмеченных произведений становится взаимосвязь природы и человека, тревога за будущее народа и человечества в целом. Стройность составных частей текста достигается объединяющей идеей. Баллада «Вижу ветер» выстроена в форме диалога, образ ветра одухотворен, неоднозначно отношение к нему лирического героя, их противостояние проходит три фазы (гнев, спор, принятие и прощение). Впечатляющ поэтический слог автора:

«всеми на свете ветрами я во Вселенную вбит», «камни, ветром прошитые», «слышен свист его кнута», «ветер в крыльях отцовского башлыка».

В серии стихотворений, составивших «Балладу об одиноком дереве», затронут вопрос осознанного одиночества. Образ *дерева, растущего над обрывом*, глубоко символичен. Поэт отождествляет себя с деревом, проецирует его боль на себя, призывает людей проявлять больше беспокойства за каждый камень, росток, родник. В контексте балладного цикла «Три путника обрисован образ *дерева у поворота дороги*, оно растет под ливнем и градом, уподобляется путнику, всаднику, за ветром летящему, ткёт полотно из ветра. В подаче поэта это – *Древо жизни* – память людская, «словно мать над могилою сына склонилась».

Нередки в поэзии Бабаева и стихотворения в форме песен («Жерими журу», «Ашыгъама туугъан элиме»), ийнаров («Тал терек», «Кийикни суусабы»). В их содержании функциональны метафоры-олицетворения, в одном из них *дерево*, видится женщиной, любимой девушкой, матерью, стоит у железной дороги в ожидании дорогого сердцу человека, как Гошаях, тоскующая по Каншаубий. Листья опадают, словно слезы из глаз, ветви представляются в виде женских рук, простертых к небу с мольбой.

Книгу «Элия бешик» («Колыбельная для молнии») составили три лирические поэмы «Атсыз солдат» («Безыманный солдат»), «Китабым» («Моя книга») и «Туугъан ташым» («Камень родины»), их объединяет антивоенная проблематика, любовь к родной земле. Центральные образы сборника – защитник отечества, труженик-пахарь, мать. Поэмы структурированы таким образом, что каждая часть с отдельным заглавием воспринимается одной из картин в контексте истории. В этом аспекте значительно понятие *времени*, которое рефреном проступает в поэзии И. Бабаева. Время и есть его книга, дни и ночи превращаются в ее страницы, из ночи и дня состоят темные и светлые письма («заманды мени китабым», «акъ жазыула», «къара жазыула»), отразившие боль и переживания народа. Поэтические строки направлены на отрицание войны, они выражают гнев по отношению к злему умыслу людей:

Жер, къалай кётюресе аман
Адамны – юсюнде жюрюсе?
Жер айтды: Да мени жюрегим
Ташды...

Земля, как ты терпишь плохого
Человека – идущего по тебе?
Отвечает Земля: Да ведь сердце мое
Камень... [Бабаев 1978: 59].

В мире дуют «адские ветры войны» («урушну жаханым желлери»), человек, забывший родину, становится «врагом Аллаха и людей» (Аллахны, адамны да жауу // Ёз жерин унутсады адам). Голос поэта говорит от имени земли, ратуя за сохранность хрупкого мира.

Воображение художника раздвигает семантические горизонты образа, адаптируя его к меняющейся реальности. *Камень* (активно раскрученный в северокавказской поэзии символ) формирует поэтическое представление о мире. Внедрение в художественный текст устойчивых метафор, ассоциаций, параллелей, олицетворений позволяет автору охватить весь спектр чувств и эмоций. В этом плане наиболее запоминающимся стал образ *камня* из поэмы «Туугъан ташым» («Камень родины» – дословно родина). Параллель между человеком и раненым камнем, которую развил в своем творчестве К. Кулиев, подхвачена И. Бабаевым и представлена в индивидуальной трактовке с сохранением стержневого смысла (мотив страдания, терпения). В поэзии Ибрагима Бабаева вырисовывается следующий

ассоциативный ряд: «тыпыр таш – таш эсгерме – жукъусуз къалауур» («камень очага – обелиск – неусыпный хранитель»). *Камень* выступает в облики солдата, предстает в образе матери. Водный поток срывает камни со дна реки, ударяет друг о друга, разбрасывает в разные стороны. В интерпретации поэта молчание камня осмыслено как груз пережитого, выстраданный опыт. Камень помогает постичь суть самой жизни, воспринимается как опора в трудную минуту, когда человек уходит в иной мир, служит напоминанием, обелиском на его могиле. Человек и камень испытывают множество несправедливостей, проходя свой путь в земном воплощении, сохранив самоценность, не нарушая основополагающих законов мироздания.

*Таш тюшген жеринде къалгъанлай
(Чапракъныча элтмез ючюн жел),
Мен къаллыкъма санга къапланып,
Атамы аягъы басхан жер!
(«Атамы аягъы басхан жер»)*

*Как камень, оставшийся там, где упал,
(Чтоб как лист не быть унесенным ветром)
Я останусь, упав и прижавшись к тебе,
Земля, по которой ходил мой отец! [Бабаев 1978: 97]*

Тот же лейтмотив звучит в книге стихов «Жетегейле» («Семиззвездие»), его предваряет цикл «Адам – жулдуз – таш» («Человек – звезда – камень»). Смысл строк «Жулдуз – ариу, таш – ауур» («Звезда – красива, камень – тяжел») выражает идею о том, что у всего в мире есть свое предназначение, у каждого человека на земле есть свой камень, а на небе – своя звезда. Лирический герой отождествляет себя с безмолвным камнем, который, раскалываясь, отвечает огненной искрой. Так же и поэзия Бабаева несет в себе огонь, искры самых разных мыслей и чувств. Жизнь – это дар, однако у всего есть свой срок, радость сменяется горем, молодость переходит в старость, и это неизбежно. Лишь обелиск, вытесанный стариком балкарцем, будет хранить память в веках. Объединив идейное содержание перекликающихся по смыслу произведений цикла, можно выстроить следующий синонимичный ряд: «жарылгъан тирмен таш» – «расколовшийся камень жерновов», «таш бешик» – «каменная колыбель», «къадау таш» – «каменная глыба/твердыня», «мурдор таш» – «краеугольный камень», «адам – жулдуз – таш» / «человек – звезда – камень». Камень родной земли способен сочувствовать боли и страданиям других. *Жернова*, крутящиеся без зерна, раскалываются, и служат напоминанием о том, как тяжела участь матери, растящей сирот. Необходимо помнить урок древнего камня как пример искренней преданности родной земле, символ стоического духа.

Емким метафорическим содержанием наполнено стихотворение «Семиззвездие», давшее название книге. Это число рефреном выписано в каждой его строке: *в темной ночи светят семь звезд семи небес, семь войн идет, семь ветров, семь теней из дыма, столько же криков слышны, семь ножевых ран и семеро погибших* – отголоски трагических событий.

Обе книги И. Бабаева «Семиззвездие» и «Колыбельная для молнии» концептуально соотносятся. По ним можно судить о том, насколько возрос творческий опыт автора, закрепился его самобытный стиль. Поэтический мир Ибрагима Бабаева безграничен, он простирается в космическое пространство, поэт говорит языком звезд и планет («Жулдузланы тилинде»). Многие его произведения циклически структурированы, выстроены в форме просьбы, пожелания, клятвы, благословения или посвящения, в таких текстах нередки сквозные образы, повторы значимых строк, переходящие в разряд своеобразных поэтических формул («Мое

слово», «Три посвящения», «Реквием», «Три путника»). Слова поэта-переводчика Г. Яропольского подтверждают сказанное: «Немаловажной чертой поэзии Бабаева является ее подчеркнутая цикличность: одну и ту же ситуацию он порой рассматривает как бы под разным углом, одни и те же образы дает в различных комбинациях. Это порождает своеобразный стереоэффект, наполняет бабаевский мир воздухом, ощущением пространства, многократно (как в глядящих друг на друга зеркалах) множит ассоциации, что в конечном итоге приводит к усилению эстетического воздействия на читателя» [Ибрагим Бабаев 2006: 162].

Неразрывная связь человека и природы, щедрость земли по отношению к людям, желания, реализующиеся силой формулируемой мысли – все это находит выражение в поэтических строках автора. По мере углубления в живописные пейзажи родного края, в разноплановое содержание сюжетных стихотворений, раскрывается внутренний микрокосм лирического героя. Поэзия Ибрагима Бабаева одухотворена чувствами и переживаниями, время здесь протекает в неспешном ритме, мир играет всеми красками, по-новому проявляясь в каждой следующей картине. Судьба человеческая воплощена в единстве драматических и жизнеутверждающих моментов. Поэт выражает неприятие войны, насилия, неоправданной жестокости людей, поскольку это причиняет страдания всему живому, наносит непоправимый урон земле, на которой все существуют («Чамланама жерни атындан» – «Мой гнев от имени земли»). Эти мысли аккумулируются в стихотворениях «Уроки горя», «Как забыть все это?», получают концентрированное выражение. В их содержании велико значение памяти, она наделена огромной силой, хранит в себе весь опыт человечества, служит мечом возмездия, воздает за несправедливые деяния.

Для поэта, в ком развита интуиция творца, характерны предчувствия, прозрения в будущее, ему становятся доступны таинства мироздания. Причудливые видения обретают зримую форму, воплощаясь в мистических картинах, суть которых постигается с течением времени. Таково стихотворение «Аян таууш» («Глас неба»). Произведение отличается философской глубиной, передает трагические моменты жизни. Поиски ответов на вопросы о смысле существования и неизбежности конца подводят к выводу, что люди порой не готовы принять жизнь и смерть как данность свыше.

Исключительная роль поэта-творца заключается в том, чтобы стать выразителем вселенских законов и чувств людских, носителем лучших черт, быть голосом земли и природы, когда приходит это осознание, поэтические строки насыщаются весомым содержанием. Все происходящее в мире – результат выбора человека, его осознанных действий, в зависимости от того, на стороне добра или зла он действует. «Прекрасное» является следствием созидательных мыслей и поступков, драматические события подпитаны деструктивным мышлением, стремлением к превосходству. К подобным выводам приходишь, погружаясь в поэтический мир И. Бабаева.

Художественная реальность в его поэзии основывается на фундаменте этнического сознания, а оно, в свою очередь, является преломлением общечеловеческих концептов. Проявлением этнического выступает образ коня в стихотворении «Учхан ат» («Крылатый конь»), в тексте соотносятся реальность и мифологическое мышление народа. В мифе незыблема связь человека и природы, в этой совершенной модели действительности ценным является каждое существо. Символ крылатого коня, довольно распространенный во многих культурах, закреплен в национальном фольклоре. Сказочный мотив рождения крылатого жеребенка в момент, когда небеса разверзлись, реализован в поэзии И. Бабаева в новом качестве. Специфические детали в описании сюжета придают тексту мистический оттенок. Главный герой – пастух Базза слышал этот рассказ от отца и применил его в обыденной жизни, чтобы объяснить внуку неожиданное появление коня

через древнее магическое восприятие. Вымысел и преувеличение в данном случае имеют особое художественное значение. Старик растит своего скакуна в любви и заботе, много ночей проводит с ним рядом, надевает на шею коня оберег. Следует сказать, горцы никогда не относились к лошадям как к животным, воспринимали их разумными существами, равными себе, способными перенять черты владельца (стать с ним единым целым), служить верой и правдой, они были больше, чем друзья – олицетворяли крылья за спиной. Благоговейное отношение к коню прочитывается также и в народных пословицах. Примером такого окрыляющего чувства служит творчество Кайсына Кулиева.

В стихотворении «Озгъан жауун» («Прошедший дождь») герой И. Бабаева видит себя во сне верхом на жеребенке, обдуваемого ветром, мокнущего под проливным дождем, он ощущает в сердце безудержную радость, догоняя вчерашний день. В его содержании также находит выражение боль сироты, оставшегося без дома, однако, как бы жизнь ни была тяжела, в ней есть достаточно причин, побуждающих идти навстречу новому дню, любые сложности будут побеждены крепостью человеческого духа, заключает поэт.

Волшебство, магия, фантазийная реальность раскрываются и в стихотворении «Колыбельная для молнии». Необычная интерпретация явлений, погружение в мифологический пласт продиктованы осознанием себя частью Вселенной, стремлением раскрыть ее неизведанные глубины. Неожиданные сравнения, параллели-метафоры – результат развитого ассоциативного мышления. В этом тексте слились миф и художественное воображение, поэтическая картина мира формируется на основе древних языческих знаний. Читатель может наблюдать, как ветер раскачивает колыбель молнии, в ней находится трепетное сердце лирического героя, Апсаты выдаивает для него молоко дикой лани, луна кормит младенца грудью и т.д. Автор вкладывает в сознание слушателя противоречивые эмоции и чувства (печаль и радость, умиление и сочувствие).

Мифологизация обнаруживается в образах *радуги, молнии, крылатого коня*. Идеиное содержание стихов многократно усиливается посредством рефренных строк. Повторяющиеся мотивы, знаки, символы (*обелиск, камень, ветер, звезда, огонь, колыбель*) способствуют закреплению декларируемых поэтом гуманистических идей. Комплекс сравнений, ассоциативно-образные ряды направлены на выражение субъективно-авторского мироощущения. В стихотворениях И. Бабаева исследован и выражен весь спектр эмотивных реакций на явления окружающей действительности.

В книге «Колыбельная для молнии» синтезирован опыт предыдущих поэтических сборников автора, здесь сосредоточены главным образом лирические поэмы. Центральный образ объединяет в себе судьбы безымянного солдата, труженика, мудреца, познавшего и испытавшего многое. Поэт стремится возвеличить его каждодневный подвиг, свершения и открытия. В любом поступке усматриваются смысл и значение, ничто не случается просто так. Искренность, внутренняя сила, целеустремленность не дают лирическому герою обмануться благами бренного мира, поступиться истинными человеческими ценностями. Примерами служения добру служат пахарь, каменщик, мастеровой, в которых живы традиции, сохранена близость с родной землей, памятью предков, усвоены жизненные уроки и принципы существования горца. Судьбы этих людей полны драматических изломов, в минуты испытаний, выпавших на их долю, они ощущают себя «*в колыбели молнии, раскачиваемой ветрами времени*» – эта доминирующая метафора отражает процессы, подчиненные законам мироздания.

Художественно-эстетическая ценность поэзии заключается в том, какой посыл в ней содержится. Она складывается из опыта, из тех воздействий, которые способны оказать поэтические строки на формирование целостного гуманистического мировоззрения. В данном аспекте следует обратиться к содержанию цикла

«Реквием», где четко выражен ведущий принцип творчества Ибрагима Бабаева – «Я вижу только сердцем. Сердце – глаза мои». Взаимообусловленность всего, что окружает человека с рождения и до самой смерти, является сквозным мотивом его поэзии. Явления природы и события из жизни представлены не во внешних характеристиках, но через призму смыслов, заключенных в них. Так формируются важнейшие нравственные императивы.

Творческие искания И. Бабаева не укладываются в одну тематическую линию, поэт выказывает ориентированность на расширение границ, поэтическая интуиция позволяет уловить в обыденном нечто существующее вне времени. Красота в трактовке художника обнаруживает две ипостаси: в первой превосходит эгоизм, вторая выражается в понимании своей ответственности перед миром («Эки бутакъ» – «Две ветви»). Разнополярные категории переходят из текста в текст, демонстрируя множество граней реальности в разных вариациях возможного восприятия. Заметно стремление поэта через малое постигать великое, вложить в поэтическую строку глубинный подтекст, развить мысль до уровня прозрений.

Поэзия И. Бабаева делегирует в современность и будущее ценностный уровень своего поколения, его философскую концепцию мира. Стихи содержат добрый посыл и ориентированы на масштабное содержание, голос автора излучает тепло сердца, проявляющего заботу о малом, сопереживание чужой боли, тревогу за будущее и одновременно убежденность в лучшем исходе. Он тоскует об ушедшем детстве, яркие воспоминания греют душу, природа окрыляет и вдохновляет творить. Оттого поэтические строки наделены магической силой, завораживающей самого изощренного художника. Воображение поэта вырисовывает причудливую вереницу образов, оседающих в памяти: белые облака в ясном летнем небе уподобляются разбросанным пучкам шерсти, которые затем превратятся в дождевые нити, ветер сможет вы ткать из них зеленое платье. Скала, над которой сверкнула молния и льет ливень, называется колыбелью Элии, а радуга – первой бороздой.

Тревожная эпоха XX столетия привносит в эту почти идиллическую картину беспокойство за сохранность мира в том виде, в каком его передали нам предки. Привычную тишину может нарушить взорванная атомная бомба. Поэт напоминает человечеству, что пока два камня не ударятся друг об друга, не появятся дым и искра, пока белое облако не почернеет и не накалится до предела от содержащейся в ней энергии, не ударит молния, и не польется дождь. Из этой мысли следует, что любая жестокость, разрушение, страдание – все является трагическим следствием бездумных действий.

В содержании цикла «Сон» ощутимы драматическая тональность, усиление аналитического начала. Поражает способность Бабаева находить эффектные сравнения («Шибля къамичини уруучума жерге, // Элия жюгенни да бошлап...») – «Плетью Шибля (бога грома) ударяю о землю, // Молнии ослабив уздцы») [Бабаев 1978: 14]. В тексте стихотворений велика роль фонетических созвучий, анафор. Рефренные образы *молнии, сверкнувшей искры, огня, ветра* перерастают в многозначные символы. Через них автор декларирует идею взаимосвязей в природе. Причинами войн и разрушений поэт называет неравенство между людьми, их социальное разделение. Война одинаково бездушна к живому и неживому, она лишает точки опоры, обрывает нить, связующую человека с землей, сводит на нет основы бытия («Энди битеу дуня ууалды» / «Теперь весь мир разрушен»). Подобные эпизоды являются напоминанием о возможном повторении ошибок прошлого.

Павшим за родину посвящена серия стихов «Урушну кёзлери» («Глаза войны»), в нем И. Бабаев озвучил монолог солдата, чьи глаза запомнили все краски мира и оттенки чувств. Эти воспоминания контрастируют с тем, что он видит теперь: *белые березы, лебеди, снега черны и солнце черным-черно, белый свет погас на поле брани, лицо обожжено порохом, над землей навис мрак*. Защитник

отечества погиб до победы, но его *глаза-луны* смотрят в мир, продолжая тенью преследовать врага, всеми силами приближая конец войны.

Тема гражданской ответственности звучит и в цикле «Замансыз кетген поэт-ни назмусу» («Стих безвременно ушедшего поэта»). С новой силой отзывается трагедия войны, она обрывает не только человеческую жизнь, но уничтожает живую природу, которая воспринимается художником как мыслящая, чувствующая субстанция, поскольку резонирует с человеческими страданиями, выражает ненависть к любому виду насилия. Цикл характеризуется преобладанием черного цвета. Приметами войны выступают *грохочущее, мутное небо, звуки взмахов черного крыла, штыки, срывающие последнее дыхание, горящее от удара молнии дерево* и т.п. Детализация, отчетливые драматические картины нагнетают напряженную атмосферу. Война – не просто источник горя, потерь, бед и страданий, она – следствие равнодушного отношения к миру, частью которого является сам человек. Та же темная эмблематика присутствует в цикле «Три путника»: *дым адских печей, стон обожженной земли, ослепленный дом с мертвыми окнами, потухший очаг, копоть истлевшей листвы на яблоне, беспризорные животные у ворот, солнце, срывающееся в бездну* и т.п.

В сборнике «Камень родины» поэт выразил убежденность, что все в окружающем мире и сам мир – ничто без человека («Къудурет» – «Могущество»). Герой вспоминает завет отца: *не причиняй неосознанно зла земле-матери, тяжела ее ноша; не бросай камень с обрыва, ведь он безмолвен; не порань ненароком тело дерева* [Бабаев 1983: 116–118]. В произведении объединены три поколения: седой старец, молодой мужчина и мальчик, каждый в свой черед проходит часть одного пути. Перед взором читателя предстают Млечный путь, созвездия, кузница Дебета в звездном небе, где ветры надувают горн, месяц служит молотом, молния – накаленным железом. Углубляясь в просторы Вселенной, постигаешь, как мир прекрасен, его богатства неисчерпаемы. В тексте имеют место и аллюзивные включения, например, упоминания о величайших горных вершинах и имена тех, кто их покорил. Несмотря на все многообразие мира, человек никогда не променяет на них горсть родной земли, таков итог размышлений поэта.

Подытоживая анализ творчества Ибрагима Бабаева, отметим, что достижением автора стало заметное обновление ресурсов поэтики, обогащение образной парадигмы балкарской поэзии. Рассматривая комплекс изобразительно-выразительных средств словесного искусства, подбор творческого инструментария, который нарабатывался на протяжении полувека, можно сделать вывод о том, что наиболее продуктивными явились 1960–1980-е годы – время активного эволюционирования балкарской литературы. Употребительные ранее глагольные рифмы либо варианты совмещения глагола и существительного уступают позиции корневой и перекрестной способам рифмовки, наблюдается позитивная тенденция к модернизации строфики.

И. Бабаев принадлежит к когорте мастеров-стихотворцев (наравне с М. Мокаевым и Т. Зумакуловой), внедривших в уже имеющийся арсенал художественных приемов развернутые, корневые рифмы, подняв планку балкарской поэзии на новую высоту. Им интегрируются многозначность слова и всевозможные ритмические комбинации, с соблюдением абсолютной доминанты смысла над формальными изысками. Художник придерживается в равной степени романтического и реалистического направлений творчества, развив различные формы лирики (сюжетных стихотворений, цикла, поэмы, баллады). Несомненны заслуги И. Бабаева в обновлении поэтики и проблематики национальной поэзии, вклад автора в расширение возможностей балкарского стихосложения неоценим. Основу его творчества составляют устно-поэтические традиции народа. Синтезируя опыт старшего поколения, поэт выкристаллизовывает концептуально весомые элементы и формирует индивидуальный поэтический мир.

Список источников

- Бабаев 1972 – *Бабаев И.* Жетегейле (Семизвездие). Нальчик: Эльбрус, 1972. 129 с.
Бабаев 1978 – *Бабаев И.* Элия бешик (Колыбельная для молнии). Нальчик: Эльбрус, 1978. 185 с.
Бабаев 1983 – *Бабаев И.* Туугъан ташым (Камень родины). Нальчик: Эльбрус, 1983. 128 с.
Ибрагим Бабаев 2006 – Ибрагим Бабаев. Жизнь и творчество / составитель С.С. Ахматова. Нальчик: Эльбрус, 2006. 172 с.
Толгуров 2015 – *Толгуров З.Х.* Жанр баллады в балкарской поэзии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 164 с.

References

- BABAEV I. *Zhetegejle* [Seven stars]. Nalchik: Elbrus, 1972. 129 p. (In Balkarian)
BABAEV I. *Eliya beshik* [A lullaby for lightning]. Nalchik: Elbrus, 1978. 185 p. (In Balkarian)
BABAEV I. *Tuug'an tashym* [The stone of the motherland]. Nalchik: Elbrus, 1983. 128 p. (In Balkarian)
Ibragim Babaev. Zhizn' i tvorchestvo [Ibragim Babaev. Life and creativity] / compiled by S. S. Akhmatova. Nalchik: Elbrus, 2006. 172 p. (In Russian)
TOLGUROV Z. H. *Zhanr ballady v balkarskoj poezii* [The genre of ballads in balkarian poetry]. Nalchik: Publishing Department of KVIHR, 2015. 164 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.Д. Болатова (Атабиева) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

A.D. Bolatova (Atabieva) – Candidate of philological Science, Senior researcher of the sector of karachai-balkar literature.

Статья поступила в редакцию 06.11.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 06.11.2021; approved after reviewing 16.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.